

Это стало уже аксиомой: Симбирск-Ульяновск – «отчизна поэтов». И в самом деле, детство и отрочество многих лучших отечественных мастеров слова прошло именно здесь, на небольшом пространстве между Волгой и Свягой, о чём ныне свидетельствуют памятники, мемориальные доски и даже музеи. По данным литературного музея «Дом Языковых», с нашим городом и краем связаны судьбы не менее восьми десятков поэтов и писателей. Многие из них здесь родились. Но вот вопрос: а как они, любимцы муз, впервые увидевшие солнечный свет на симбирской земле, воспринимали свою родину? Любили? Гордились? Или, может быть, стыдились?

Потаённая р о д и н а

О тветы на эти вопросы наверняка содержатся в текстах писателей-симбирян: если любили – значит, воспели, отразили в своих произведениях, назвали по имени, а не морщились от досады, когда приходилось выводить пером это имя – Симбирск. Итак, давайте по порядку, хронологически.

И.И. Дмитриев. Баснописец и автор салонных стихов Иван Иванович Дмитриев симбирскими корнями, судя по всему, не тяготился. Свои воспоминания, озаглавленные «Взгляд на мою жизнь», он начинает так: «Отчизна моя Симбирская губерния»...

Н.М. Карамзин. В стихах его встречается имя «Волга», но имя «Симбирск» – ни разу. Место действия «Рыцаря нашего времени» обозначено так: «На луговой стороне Волги, там, где впадает в неё прозрачная река Свяга...». Название места, как видим, не указано. Также обращает на себя внимание стремление автора запутать читателя. «Луговая сторона Волги» – это левый берег, пологий, а Свяга в действительности течёт вдоль правого – высокого и впадает в Волгу возле Свяжска.

Карамзина мы воспринимаем как писателя XVIII века, и его творчество, пронизанное просветительскими идеями, полностью соответствует литературе сентиментализма. А для этой литературы была чрезвычайно актуальна временная и особенно пространственная определённости: в любой момент своего существования герой всегда находился в конкретном месте.

Но, может быть, Карамзину-писателю вообще не свойственно указывать в своих произведениях реальные топонимы? Ничего подобного. В «Письмах русского путешественника» он называет не одну дюжину европей-

ских городов: Данциг, Берлин, Дрезден, Веймар, Баден, Лозанна, Женева, Лион, Париж, Кале, Дувр, Лондон и т.д. Тут – почти вся география Пруссии, Австрии, Франции и Англии.

А вот для имени «Симбирск» места не нашлось даже на полях его многочисленных рукописей.

Н.М. Языков. Поэт Николай Языков воспел в своих стихах «Волги пышные брега, И Волги радостные воды», считая великую реку наиболее яркой приметой родной страны. Именно Языков ввёл в поэтический обиход антитезу Волга – Нил. Но имя Симбирска в его стихах также не встречается ни разу.

Д.П. Ознобишин. Стихи «ориенталиста» Дмитрия Ознобишина хоть и окрашены восточным колоритом, тем не менее, он отдал должное родной природе и воспел зелёные берега не только Волги, но и Суры. А в «сказочке» под названием «Городок» Ознобишин образно и предельно лаконично изложил историю Симбирска – от строительства крепости до пожара 1864 года. Однако вот что странно: в тексте «сказочки» истинное имя городка не названо, будучи скрыто под псевдонимом Городок (по прозванию Ветренный). Но почему? Должна же быть разгадка этого странного обстоятельства.

И.А. Гончаров. Исследователи единодушны в том, что во всех трёх романах Гончарова «место действия» – Симбирская губерния и сам Симбирск: детство Александра Адуева прошло в родовом симбирском поместье (роман «Обыкновенная история»), деревенька Обломовка тоже, надо думать, затерялась где-то в симбирской провинции, а события романа «Обрыв» – за исключением нескольких первых и последней главы – происходят в Симбирске.

Однако всё это – лишь предположения, потому что само имя «Симбирск» ни разу не называется.

Тогда обратимся к документальной прозе. Уж в своих-то «Воспоминаниях», в главе «На родине» Гончаров никак не мог обойтись без имени «Симбирск»! Не тут-то было. Упоминаются столичный Петербург, далёкая от нас Усть-Нарва, названа Казань со своими достопримечательностями («Сумбекина башня», Арское поле, памятник Державину), Буинск... Симбирска на карте «родины» нет. То есть он, конечно же, существует, но его имя тщательно утаивается. Например, Гончаров пишет так: «От Москвы до моей родины считается с лишком семьсот верст». А вот в Буинске едущего «на родину» героя спрашивает местный полицейский:

«– А куда изволите ехать?»

Я сказал ему».

«Ему» – можно, а нам, читателям, об этом знать не положено. Главная улица «на родине» почему-то названа Большая улица, а не Большая Саратовская. Даже своего «крёстного» Николая Николаевича Трегубова Гончаров также зашифровал, назвав его Якубовым. Читаем дальше: «В нашем губернском городе была своя отдельная масонская ложа, во главе которой стоял Бравин». В действительности ложу возглавлял М.П. Баратаев.

Ну что? Нужны ещё доказательства? Возможно, виной всему «эзопов язык», побуждавший русских писателей «послерадищевской эпохи» писать «потаённым языком», излагать свои мысли скрытно, зашифрованно. Ведь и гоголевский Чичиков приезжает в город NN, а в уездном городе С. обитают некоторые герои Чехова.

Проведённые нами разыскания показали, что имя «Симбирск» действительно было потаённым, причиной чего следует считать, конечно же, не цензурные ограничения, а восходящую к язычеству традицию табуирования имен.

Табу – значит запрет, налагаемый на совершение определённых действий или произнесение определённых слов, прежде всего – имён собственных. Например, в архаичных племенах запрещалось произносить наименования промысловых животных, прежде всего накануне – и особенно – во время охоты (древние люди считали, что животные их «слышат»). Также табуировались наименования inferнальных и демонических существ («злых духов», лешего, чёрта, сатаны), а в качестве заменителя имени – псевдонима – использовалось соответствующее личное или определительное местоимение («Он», «Сам»).

У некоторых народов замужним женщинам запрещалось произносить имена свёкра, свекрови и даже мужа, заменяя их всё теми же местоимениями. В этом случае акт табуирования осуществлялся с целью защиты от нечистой силы, якобы наводящей «порчу» на имя. До сих пор во многих сёлах Ульяновской области, говоря о своём супруге, женщины используют псевдоним «Он», «Сам» или «Хозяин». Имеются очень серьёзные основания для предположения о том, что изначально «хозяин» – это именно дух, покровитель, владелец определённого участка природной среды – леса, озера, болота, поля и т.д. Именно в таком значении псевдоним «Хозяин» используется в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой». Позднее своих покровителей получают наиболее важные зоны среды культурной, возде-

ланной людьми – «дом», например, «хозяином» которого становится домовый.

Особое значение архаический механизм табуирования имел в обрядовой практике. Широко применялось табуирование имён языческих божеств и приравненных к ним сакральных изображений (то есть идолов, кумиров, пенатов и т.п.) с целью их сохранения и охраны от «порчи».

Как известно, существует множество версий истолкования значения имени «Симбирск», но только одна из них имеет строгую научную основу. Автор этой версии, профессор УлГПУ В.Ф. Барашков на основе сравнительного анализа элементов тюркских, угро-финских и монгольских языков доказал, что по своему происхождению имя «Симбирск» связано с монгольскими языками (в эту языковую группу входят собственно монгольский, бурятский, калмыцкий, а также некоторые бесписьменные языки), и по времени это совпадает с периодом татаро-монгольских завоеваний (XIII–XIV вв.).

Как и у многих народов, у монголов издавна существовал традиционный культ гор, и свои буддийские храмы, молельни, монастыри они строили именно на горах. Такие возвышенные места, оборудованные для свершения обрядов, имели название «сумбир/симбир».

Покидая родные края, отправляясь в дальние походы, монгольские воины находили возвышенные места и устраивали там молельни. Есть веские основания для того, чтобы предполагать наличие такой кумирни на высоком волжском берегу в районе нынешнего бульвара Новый Венец. Подобные места тщательно охранялись от иноверцев.

А теперь зададимся вопросом: как можно было обеспечить охрану изображения того или иного божества? Окружить забором? Выставить стражу? Но это только привлечёт внимание любопытных. Тогда остаётся лишь один надёжный способ – засекретить, держать в тайне место, где находится священное изображение, наложить табу на произнесение имени такого места.

А место это, как мы знаем, называется «сю(и)мбир». Для самих монголов это имя нарицательное – «кумирня», «храм», «капище». Но в ситуации, когда носители определённой культурной традиции оказались на чужой

территории, в окружении другой культуры, имя «симбир» и для своих («пришлых»), и особенно для чужих («местных») становится именем собственным, которое, в целях «конспирации», и табуируется. А поскольку земля слухом полнится, и всё тайное рано или поздно становится явным, то имя «Симбир», конечно же, известно всем!

И тогда мы получаем вот что: имя всем известно, но произносить его – нельзя. Со временем Симбир становится Симбирском (сначала крепостью, затем – городом), а привычка табуировать это имя закрепляется, сохраняется, передаётся всё новым и новым поколениям. В дальнейшем традиция замалчивать это имя продолжает бытовать и в рамках письменной культуры. И тогда имя «Симбирск» уже не только нельзя произносить, но и нельзя писать. И этому правилу – неосознанно! – подчиняются все обитатели данного региона.

Следует иметь в виду, что табуирование – это ни в коем случае не умаление значения имени, а, напротив, его освящение. Таким образом, будучи подвергнуто умалчанию, имя Симбирск повышалось в статусе, получая, к примеру, следующее оформление: «Священный град Симбирск».

Таким образом, почти все местные литераторы (Карамзин, Языков, Гончаров, Ознобишин и др.) продолжают табуировать имя «Симбирск», совершенно не отдавая себе в этом отчёта (традиция!). А все другие, не укоренённые в культуре данного региона, традицию нарушают, но не догадываются об этом.

Поэтому нет ничего странного в том, что традицию замалчивать имя города нарушил чужак – не симбирянин, вообще не волжанин, зато – «солнце русской поэзии», «наше всё», Пушкин Александр Сергеевич. Как мы помним, герой повести «Капитанская дочка» Петруша Гринёв – уроже-

нец Симбирской губернии. «Капитанская дочка» – это первый русский реалистический роман, место действия которого – Симбирская губерния – Симбирск – Оренбург – Белогорская крепость – Казань – Петербург. Но завязка интриги происходит в симбирском трактире, где Петруша знакомится с гусарским ротмистром Зуриным, который обманым путём выигрывает у него 100 рублей. В эпилоге романа ещё раз упоминается Симбирская губерния.

И Лермонтов также отметил тем, что Симбирск стал «местом действия» в одном из его произведений. Отец заглавного героя поэмы «Сашка» Иван Ильич «имел в Симбирске дом /На самой горе, против собора». Далее даётся панорама города: кровли домов, печные трубы, «церковь с круглыми главами», «и кое-где... уютный сад». В следующей строфе изображён вид Волги с пристанью, плотами и барками. Историки литературы не располагают убедительными доказательствами того, что Лермонтов бывал в Симбирске. Так что можно лишь предполагать, каким образом им была сделана «привязка к местности» упомянутого выше фрагмента поэмы «Сашка».

А в наши дни подлинным певцом Симбирского края оказался поистине «человек издалека» – живущий в Швейцарии русский писатель Михаил Шишкин. Нам неизвестно, каким образом М.П. Шишкин освоил реалии симбирской топографии, однако в его повести «Записки Ларионова» имя Симбирск звучит чисто и мелодично, будучи окружённым другими хорошо знакомыми нам названиями: Куликовка, Туть, улица Большая Саратовская, а сам город наполнен точными и узнаваемыми местными реалиями: вот «симбирский Венец», вот «симбирская гимназия», а вот – «юродивый Андреюшка» – Андрей Блаженный.

Герой «Записок Ларионова» живёт в фамильной деревеньке, расположенной «в Барышенском уезде» (дело происходит в первой половине XIX века). Называется деревня (точнее, село – там есть церковь) Стоговка. На современной карте Ульяновской области Стоговка отнесена к Кузоватовскому району. До сих пор в историю деревни этой были вписаны имена двух знаменитых россиян: писателя Скитальца (в Стоговке находилось имение тестя С.Г. Скитальца купца Н.К. Ананьева) и инспектора народных училищ И.Н. Ульянова, якобы открывшего здесь школу (на самом деле бревенчатое здание школы было перенесено из села Лукино, где она действительно была построена по инициативе И.Н. Ульянова). Теперь вот Шишкин, русский писатель, живущий ныне на берегах Женевского озера, сделал обитателем Стоговки своего героя – небогатого помещика Александра Львовича Ларионова.

За несколько последних лет Михаилу Шишкину удалось стать лауреатом наиболее престижных в России литературных премий. Его имя всё чаще упоминается в литературных обзорах и критических статьях. Шишкин – знаменит! Его книги издаются за рубежом, и, соответственно, на разных языках звучит имя «Симбирск». Хорошо это? Наверное, хорошо. Мы живём в эпоху тотального пиара.

Но, с другой стороны, наши предки наверняка были не глупее нас, понимая, что, конечно же, «слава звенящая», но, с другой стороны, слава может быть худой, даже скандальной, а вот «молчание – золото».

Владимир Янушевский

Иллюстрации – гравюры Бориса Склярука с видами Языковского парка, Симбирска и Ульяновска

